

Колоницкий Б.И., Годунов К.В., Резник А.В., Тарасов К.А. **«Процессы легитимации насилия: Культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны»¹**

Сформировавшаяся до Революции 1917 г. и в ходе нее культура конфликта, на которую оказали воздействие различные факторы (влияние субкультуры революционного подполья, традиция использования вооруженных сил во время социальных и политических конфликтов, опыт Первой мировой войны, взрывная политизация 1917 г., милитаризация политической жизни, общественных и национальных движений и др.) создавала дискурсивную рамку, ограничивающую возможность гражданского мира в условиях революции. Необходимым условием гражданской войны, наряду с прочими важными факторами, стала ее культурная подготовка. Механизмы этой культурной подготовки и будут находиться в фокусе доклада. Непосредственной задачей исследования является анализ особенностей политического языка конфликта революционной эпохи.

Особое значение для решения поставленных задач имеют приемы, разработанные в рамках истории понятий. В частности, члены коллектива уделяют особое внимание реконструкции контекста политического высказывания. В этом отношении мы следуем за представителями «кембриджской школы» истории идей (Скиннер, Покок). Прежде всего, мы следуем за этой исследовательской школой в том, что важно реконструировать контекст политического высказывания, особое внимание уделяя намерениям автора этого высказывания. Но в отличие от этих исследователей для нас также важен контекст сам по себе, политические понятия мы рассматриваем в качестве инструмента для достижения конкретных политических целей.

Для изучения политического использования страха перед гражданской войной важны подходы, выработанные историками эмоций. Роль страха в легитимизации насилия изучена историками Французской революции (Редди,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00369, <https://rscf.ru/project/20-18-00369/>)

Таккет), эта тема заслуживает внимания и исследователей российской революции. Анализ эмоционально нагруженного и многозначного понятия «гражданская война», исследование его роли в разнообразных конфликтах позволяет в том числе углубить представление о политической демобилизации одних социальных групп и гиперполитизации и радикализации других.

Термин «гражданская война» нередко употреблялся после свержения монархии. В качестве его синонимов использовались такие понятия как «междоусобица», «братоубийственная война» и др. На понимание гражданской войны в значении классового противостояния определенное влияние оказала работа К. Маркса «Гражданская война во Франции», посвященная опыту Парижской коммуны.

О гражданской войне политические акторы заговорили еще в ходе Февральского восстания. Угроза ее начала стала серьезным инструментом политического давления на Николая II и лояльным ему силам для уступок Временному комитету Государственной думы. В том числе, по некоторым сведениям, император подписал отречение, опасаясь начала гражданской войны во время тяжелой войны с внешним врагом.

Угроза внутреннего столкновения легитимировала некоторые важные политические решения. Так, многие умеренные социалисты считали необходимым сотрудничать с Временным правительством, контролируя и направляя его деятельность, признавая радикальное требование формирования революционного правительства на основе Советов путем к гражданской войне. Позиция умеренных социалистов в течении следующих месяцев заключалась в том, что избежать открытого конфликта между либеральными силами и социалистами, считая, что такая борьба будет на руку только сторонникам прежнего режима. В том числе эта позиция повлияла на решение сформировать коалиционное правительство в мае 1917 года.

Вместе с тем, некоторые политические деятели, связанные с Петроградским Советом, в те же дни утверждали, что гражданская война против «черной сотни» и приверженцев старого режима уже идет и

останавливать ее не стоит для победы революции. С открытым призывом к превращению империалистической войны в гражданскую выступала в первых числах марта большевистская газета «Правда». Критика большевиков как партии, подталкивающей к внутреннему конфликту, сторонников насильственного решения политических вопросов усилилась после возвращения Ленина из эмиграции.

Публичному обсуждению перспективы гражданской войны способствовали политические кризисы апреля, июня и июля 1917 г. Некоторые наблюдатели оценивали уличные столкновения, произошедшие в этот период, как начавшуюся гражданскую войну. Ответственными за эскалацию внутреннего конфликта консервативные, либеральные и правосоциалистические группы считали большевиков и Ленина, в частности. Помимо прочего, эти политические силы использовали угрозу гражданской войны для давления на умеренных социалистов, требуя от них отмежеваться от радикалов. Умеренные же социалисты, как правило, возлагали вину и на «левых», и на «правых». Официально большевистское руководство в период Апрельского кризиса отказалось от лозунга гражданской войны. Вместе с тем, левые радикалы в своей агитации продолжали эксплуатировать чувства классового антагонизма, противопоставляя интересы «буржуазии» и «пролетариата».

После Июльского кризиса и поражения Июньского наступления, Временное правительство использовало образ гражданской войны для легитимации борьбы с политическими оппонентами и установления порядка на фронте и в тылу. Однако стремление к достижению гражданского мира, предпринятое правительством в ходе Московского совещания, не привело к успеху. В ходе него язык классового антагонизма использовался практически всеми участниками вне зависимости от их политической ориентации.

Новая вспышка обсуждения уже начавшейся или грозящей начаться гражданской войны произошла в ходе Корниловского выступления. Для одних политических акторов необходимость борьбы с ним объяснялась как способ

избежать настоящей гражданской войны. Другие в ходе этого кризиса высказывали мысль о том, что только переговоры с Корниловым могут спасти от внутренней борьбы. Левые политики использовали Корниловское выступление для обвинения «буржуазии» в том, что она вступила на путь гражданской войны. В ходе кризиса многими его участниками употреблялся язык гражданской войны, затруднявший, а то и вовсе исключавший компромисс с политическим противником.

Кадеты доказывали, что формирование нового коалиционного правительства спасет от открытой борьбы внутри страны. Часть социалистов, напротив, утверждала, что только правительство без кадетов может привести к налаживанию ситуации в стране. Удивительным образом, в своих оценках ситуации осенью 1917 г. сходились большевики и крайне правые силы. Они считали, что гражданская война уже началась или, по крайней мере, неминуема. После Корниловского выступления возникла новая дискурсивная ситуация, в ходе которой позиции сторонников гражданского мира существенно ослабли, а сценарии силового решения политических проблем приобретали новых сторонников и «справа», и «слева».

Накануне Октябрьского восстания в партии большевиков прямым текстом обсуждалась перспектива гражданской войны, иногда даже ее подготовка. Вместе с тем, публично в провоцировании внутреннего конфликта, подготовке «второй корниловщины» обвинялось правительство Керенского. Так трактовались откладывание выборов в Учредительное собрание, чрезвычайные полномочия Керенского, второй съезд общественных деятелей, попытки разоружения Кронштадта и вывод войск из Финляндии, подготовка переезда правительства в Москву, вывод войск Петроградского гарнизона из города. Когда конфликт правительства и Петроградского Совета приобрел открытый характер, большевики и их союзники доказывали, что Октябрьское восстание являлась способом самозащиты. Часть леворадикальных сил искали сближение с умеренными социалистами, считая возможное размежевание с ними чреватым наиболее опасной формой

гражданской войны. Большинство же политических сил открыто обвинило большевиков в разжигании гражданской войны, что легитимизировало возможность вооруженной борьбы с ними. В итоге сложилась ситуация, при которой уничтожение (политическое или даже физическое) врага описывалось в качестве единственного средства выхода из кризиса.